

Д. В. Тимофеев

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

С приходом к власти императора Александра I ожидания «благотворных преобразований» приобрели форму надежды на совершенствование российского законодательства. Основанием для формирования подобного рода ожиданий были заявления верховной власти о намерении восстановить в стране «силу закона», искоренить злоупотребления местных властей и усовершенствовать систему судопроизводства.

Восстановление действия «закона» было объявлено Александром I одной из важнейших государственных целей, которая соответствовала «духу времени». Не случайно одним из первых, после коронации Александра I в Москве 15 сентября 1801 г., был издан указ «Об учреждении комиссии для пересмотра прежних уголовных дел», по которому освобождались все заключенные, «...коих вины важны были только по обстоятельствам политическим...».¹ Однако, несмотря на безусловно положительное отношение общества к амнистии, она была единовременной мерой и оценивалась современниками лишь как первый шаг власти на пути к восстановлению справедливости.

С первых месяцев царствования Александра I общество ожидало от верховной власти более масштабных действий, направленных на «восстановление силы закона». Для современников актуальность подобных преобразований была очевидна, что выражалось, например, в широко распространенном мнении о том, что любая «судебная тяжба» не может быть решена положительно без взятки или помощи высокопоставленного «покровителя». Практика решения споров в суде с помощью взятки была частью привычной, хотя и неформальной, процедуры, которая воспринималась как исторически сложившееся препятствие на пути к правосудию. Именно такое отношение

выразил в своих воспоминаниях С. П. Жихарев, описывая различные бюрократические барьеры, возникавшие в ходе решения дела о наследовании отцовского имения.² В данном контексте восстановление «силы закона» для многих ассоциировалось с ужесточением контроля за чиновниками, с искоренением взяточничества и бюрократизма в деятельности судебных органов.

В начале XIX в. одной из главных причин «самовластья» чиновников и медлительности производства дел в судах считали неупорядоченность действовавшего российского законодательства. Важным фактором, укреплявшим уверенность российских подданных в своевременности модернизации российского законодательства, были указы императора, в которых он прямо обращал внимание на негативные последствия противоречивости и бессистемности российских законов. Так, например, в указе от 5 июня 1801 г., обращаясь к П. В. Завадовскому, император писал: «Я всегда знал, что с самого издания уложения до дней наших... законы, истекая от Законодательной власти различными и часто противоположными путями, и быв издаваемы более по случаям, нежели по общим государственным соображениям, не могли иметь ни связи между собою, ни единства в их намерениях, ни постоянности в их действии. Отсюда всеобщее смешение прав и обязанностей каждого, мрак, облакающий равно судьбу и подсудимого, бессилие законов в их исполнении и удобность переменять их по первому движению прихоти или самовластия».³ Все подобные заявления императора достаточно быстро распространялись в кругах образованного русского общества и воспринимались как своеобразная «декларация о намерениях» осуществить реформу системы судопроизводства и законодательства.

В поисках решения проблемы исполнимости законов высказывалось множество мнений о ее причинах. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют выделить ряд причин, которые признавались образованными российскими подданными наиболее

¹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 26, 1801. № 20.012. С. 789–791. (Далее — ПСЗ.)

Тимофеев Дмитрий Владимирович — к.и.н., доцент кафедры истории дореволюционной России Челябинского государственного университета (г. Челябинск)

E-mail: tdv@csu.ru

² См.: Жихарев С. П. Записки современника. М., 1989. Т. 2. С. 204–205.

³ ПСЗ. Т. 26, 1801. № 19.904. С. 683.

существенными. Первая из них была связана с оценкой сущностной природы «закона», что выражалось в констатации того, что закон, какой бы совершенный он ни был, не может регулировать все возникавшие между людьми взаимоотношения, так как реальность намного сложнее и разнообразнее формально установленных правовых норм. Косвенным подтверждением признания такого несоответствия является выписка из постановления Государственного Совета от 17 марта 1802 г. по делу помещика Орлова, «изнуряющего крестьян своих жестокими и бесчеловечными поступками», в котором, наряду с вынесением решения о наказании помещика, было признано: «Совет... не находит в законах точного постановления о суде и наказании таковых злоупотреблений...».⁴

Не менее важными причинами малой эффективности существующих законов современники считали отсутствие четкой и внутренне непротиворечивой системы юридических норм, позволявшей быстро и правильно квалифицировать противоправные деяния граждан, а также отсутствие системы подготовки профессиональных юристов. К началу XIX в., по мнению, например, секунд-майора Ивана Давыдова, представившего на имя императора Александра I в октябре 1801 г. «всеподданнейшую» записку «Об усовершенствовании ведения делопроизводства в присутственных местах», сложилось положение, когда «законы российские веками умножаемые... весьма трудно самому юристу все знать».⁵ Такая ситуация была осложнена отсутствием квалифицированных кадров, что и являлось, по словам И. Давыдова, «...первым препятствием правосудию».⁶ Решение данной проблемы автор записки связывал с ужесточением административного и общественного контроля за судами, с систематизацией российского законодательства, с упрощением системы судебного делопроизводства и созданием для дворян специальных училищ правоведения.

В целом, повышение эффективности законов представлялось возможным при наличии комплекса объективных условий. Прежде всего закон должен был быть основан на достоверном знании реального положения дел в стране. В качестве источника такого досто-

верного знания могли быть не только поступающие от губернаторов отчеты, но и статистические данные, собираемые российскими учеными. Полученная таким образом информация о социально-экономическом развитии страны, по мнению одного из первых русских статистиков К. Германа, позволила бы повысить эффективность нового российского законодательства. В одной из своих статей он писал об этом так: «Никакое правительство не может иначе придти в состояние учредить полезные заведения и законы для соблюдения и преумножения народного богатства, как посредством точных понятий о правилах государственного хозяйства».⁷ При этом он особо подчеркивал, что без опоры на статистические данные в стране «...нет законами определенной свободы».⁸

Необходимость установления соответствия закона характеру социально-экономического и политического положения в стране была признана на высшем государственном уровне: эта мысль нередко высказывалась на страницах столичных российских журналов в официальных документах. Так, в одном из номеров «Санктпетербургского журнала» был опубликован «всеподданнейший» доклад П. В. Лопухина и Н. Н. Новосильцева, в котором два высокопоставленных чиновника, обращаясь к императору, писали о том, что хороший закон должен «...точно определить все части государственного управления и обязанности подданных, сообразно духу правления, характеру народному, политическому и естественному положению государства».⁹ С этим соглашались даже наиболее последовательные сторонники предлагаемых европейскими либеральными мыслителями теоретических схем. В полном соответствии с принципами, изложенными в трудах И. Бентама и Ч. Беккариа, признавалась ключевая роль закона в процессе регулирования общественных отношений, но одновременно утверждалось, что даже самый хороший законодательный акт не может изменить природы общества. Именно в этом контексте известный своими либеральными проектами адмирал Н. С. Мордвинов в

⁴ РГИА. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 295.

⁵ Там же. Ф. 1250. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.

⁶ Там же.

⁷ Герман К. Материалы для российской статистики // Статистический журнал, издаваемый Карлом Германом. 1806. Т. 1, ч. 1. С. 72.

⁸ Там же. С. 81.

⁹ Всеподданнейший доклад Его Императорскому Величеству князя Лопухина и Новосильцева // Санктпетербургский журнал. 1804. № 5, май. С. 74.

записке «О принципах управления государством» предостерегал современников: «Законы и уставы, изложенные на началах ложных или на сведениях ошибочных, могут впоследствии причинить более вреда, нежели небрежение в исполнении законов благодетельных».¹⁰ Таким образом, реалистичность, соответствие действительности представлялись важными характеристиками любого закона.

Вторым элементом комплекса условий, необходимых для обеспечения действенности закона на практике, российские авторы называли наличие у государства возможности контролировать его исполнение и, в случае необходимости, применять физическую силу в отношении лиц, совершающих противоправные деяния. Так, например, автор статьи «Некоторые мысли о необходимости могущественной внешней защиты безопасности и спокойствия Государств» писал: «Закон, определяющий границы круга действий каждого человека в отношении к кругу действий других людей и постановляющий между ними границы справедливости, всегда существовал бы в теории, но, без сомнения, был бы ничтожным по недостатку в силе или внешней защите».¹¹ Именно способность государства наказывать нарушителей и своевременное объявление о возможности применения силы, по мысли автора, являются важными условиями соблюдения закона как гражданами, так и отдельными государствами.

Еще одно необходимое условие эффективного функционирования законов, которое упоминалось в различных текстах первой четверти XIX в., — доступность закона и четкость изложения юридических норм. Теоретическое обоснование важности этого условия российский читатель мог найти в переведенных на русский язык сочинениях европейских правоведов. В большинстве случаев авторы этих произведений подчеркивали, что закон должен быть «написан простым наречием», понятным каждому гражданину страны.¹² Реализация этого принципа, по мнению Ч. Беккариа, способствовала бы предупреждению преступлений. В широкоизвестной российскому читателю работе

«О преступлениях и наказаниях» он в главе «О средствах предупреждения преступления» писал: «Хотите предупредить злодеяние? Учтите законы ясными, простыми, словом такими, чтобы каждое общество, ими управляемое, для защиты их совокупляло силы свои, не допуская некоторой части из народа потрясать здания оных до самого его основания».¹³ В такой трактовке «ясность» законов соответствовала естественному стремлению любого общества к мирному, бесконфликтному развитию.

В российском обществе подобного рода утверждения получили положительный отклик на страницах журналов и учебных пособий. При этом, как правило, авторы не ограничивались только цитированием соответствующих суждений из работ европейских правоведов, но искали примеры «ясности» формулировок в истории российского законодательства. Своеобразным образцом ясного изложения, по мнению, например, П. Львова и М. Т. Каченовского, можно было считать «Соборное уложение» 1649 г., которое было «...написано кратко, просто и так же ясно для нас, как и для наших предков».¹⁴ Признание ясности формулировок необходимым для восстановления «силы закона» условием было характерно и для многочисленных проектов, предлагаемых как высокопоставленными чиновниками, так и представителями различных тайных обществ. Так, например, А. Р. Воронцов в одной из записок, созданных в процессе подготовки текста манифеста о восшествии императора Александра I на престол, призвал российского самодержца «...снабдить Россию достаточными и ясными законами, для ограждения состояния каждого из подданных...».¹⁵ Аналогичные пожелания установить в России «...твердые, ясные и краткие законы, которые бы, врываясь в память, предупреждают злоупотребления», высказывали Г. С. Батеньков, В. И. Штейнгель, А. А. Бестужев, П. Г. Каховский, Г. А. Перетц.¹⁶

¹³ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 184, 185.

¹⁴ Львов П. Примечания о древних русских законах // Сын Отечества. 1814. Ч. 16, № 33. С. 14, 19, 20; [Каченовский М. Т.] Мысли о России, или Некоторые замечания о гражданском и нравственном состоянии русских до царствования Петра Великого // Вестн. Европы. 1807. Ч. 31, № 1, янв. С. 12. (О принадлежности данной статьи перу М. Т. Каченовского, см.: Историческое и критическое обозрение Российских журналов // Сын Отечества. 1821. Ч. 67, № 1. С. 3–20.)

¹⁵ Записка графа Воронцова о милостивом манифесте на коронацию императора Александра I, с материалами для сего манифеста // Русский архив. 1908. № 6. С. 5.

¹⁶ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. 16. Д. 170. Л. 4.

¹⁰ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 124. Л. 5.

¹¹ Некоторые мысли о необходимости могущественной внешней защиты безопасности и спокойствия Государств // Сын Отечества. 1819. Ч. 51, № 2. С. 52.

¹² См.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / пер. с фр. А. Хрущев. СПб., 1806. С. 34; [Бентам И.] О необходимости утверждать законы на причинах. Из Бентама // Санктпетербургский журнал. 1804. № 6, июнь. С. 135.

Одновременно с «ясностью слога» и «простотой наречия» под доступностью закона подразумевалась также его публичность или «общеизвестность». На протяжении всей первой четверти XIX в. в российских журналах можно было встретить статьи, авторы которых доказывали, что в реализации принципа «общеизвестности» заинтересованы все граждане, так как именно «...они обязаны будут согласовывать деяния свои с законом» и «...не смогут извиниться неведением оно, между тем как судьба их часто зависит от одного скрытого от них постановления».¹⁷ Не менее четко принцип публичности был сформулирован в различных учебных пособиях. Так, например, в учебниках по гражданскому и уголовному праву И. Наумова, И. Неймана и Л. Цветаева неоднократно подчеркивалось, что «закон должен быть сведом и ясен для каждого»,¹⁸ а «..обязанность подданных соотносить свои поступки» с законами «...не прежде начинается, как они будут известны гражданам или обнародованы».¹⁹

Наряду с «ясностью слога» и «общеизвестностью», еще одним важным условием повышения действенности законов, упоминания о котором российский читатель мог найти как в официальных документах, так и в публицистических произведениях, объявлялась «беспристрастность» исполнения норм закона. В большинстве текстов это подразумевало дословность прочтения «закона» и противопоставлялось практике его расширительного толкования в зависимости от обстоятельств конкретного дела и статуса участвующих в судебном процессе сторон. Так, например, в книге «Основания российского права» под заголовком «Беспристрастное исполнение по точным словам закона» читателю в качестве бесспорной и общеизвестной аксиомы предлагалось утверждение: «Законы должны исполняемы быть по точным словам и настоящему их смыслу, беспристрастно и не смотря на лице сильных».²⁰

Все перечисленные выше условия эффективного функционирования законов (реальность, наличие у государства возможности использовать силу, четкость формулировок, публичность и дословность применения) были, с точки зрения образованного человека начала XIX в., необходимы, но не достаточны для осуществления главного предназначения закона — одновременно обеспечить государственную целостность и защитить «естественные» права граждан. Такая двойственная цель могла быть достигнута только при условии существования системы законов, основанных на общих теоретических принципах.

Выработка таких общих теоретических оснований рассматривалась как эффективный способ устранения имевшихся в законе противоречий. При этом, как правило, подчеркивалось, что принятие подобной теоретической основы не означало полной отмены или кардинальной перестройки существующего законодательства, а должно было помочь выявить устаревшие законы, систематизировать «пригодные» и стать своеобразным фундаментом для создания в будущем новых законов. Ориентируясь одновременно на сочинения европейских правоведов и на примеры из отечественной истории, российские авторы прежде всего акцентировали внимание на идее о возможности внесения изменений в законы только по мере созревания необходимости в таких переменах.

С одной стороны, бесспорным считалось многократно цитируемое утверждение И. Бентама о том, что «...приступать к составлению гражданских и уголовных законов надлежало не иначе, как по мере обстоятельств, дававших чувствовать в них необходимость».²¹ С другой стороны, аналогичный подход к процессу обновления законов, по мысли российских авторов, соответствовал историческому опыту России и был известен большинству российских монархов. В данном контексте практически на протяжении всего текста «Рассуждения о древности и достоинстве законов Российских» профессор Харьковского университета Г. П. Успенский доказывал своевременность появления судебныхников 1497 г., 1550 г. и Соборного уложения 1649 г. При этом в качестве основных причин составления нового судебного Ивана IV он называл «...неустройства госу-

¹⁷ Там же. Ф. 777. Оп. 1 Д. 288. Л. 2; Куницын А. П. Замечание на книгу: Основания российского права, изданную Комиссиею составления законов // Сын Отечества. 1819. Ч. 51, № 6. С. 241, 242.

¹⁸ См., например: Наумов И. Разделение преступлений против права гражданского и против права уголовного. СПб., 1813. С. 14; Нейман И. Начальные основания уголовного права. СПб., 1814. С. 34.

¹⁹ [Цветаев Л.] Первые начала права естественного, изданные для руководства учащихся профессором Львом Цветаевым. М., 1816. С. 54.

²⁰ Основания российского права, извлеченные из существующих законов Российской империи, издаваемые комиссиею составления законов. Т. 1. СПб., 1821. С. 19.

²¹ Бентам И. Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении / пер. М. Михайлов. СПб., 1805. Т. 1. С. 506.

дарственные, самосудную власть вельмож, презрение законов, превратность древних обычаев...»,²² т. е. те явления, которые вызвали недовольство образованных российских подданных и в начале XIX в.

Важной характеристикой процесса модернизации российского законодательства считалась преемственность, понимаемая как опора на исторический опыт предшествующих поколений, зафиксированный в форме юридических норм. В этой связи подчеркивалась важность сохранения всего того, что может быть «пригодным» в новых условиях. Именно это качество, по мнению И. П. Елагина, было характерно для славянских племен, которые, даже после переселения на новые земли, «сохраняли древнюю веру, законы и обычаи».²³ Позитивные оценки использования принципа преемственности при совершенствовании действующего законодательства высказывались в различных журнальных публикациях, посвященных как историческому прошлому, так и актуальным современным проблемам.²⁴

Практически на протяжении всего царствования Александра I идея модернизации российских законов «с оглядкой» на проверенные временем правовые нормы многократно воспроизводилась и в официальных изданиях. В первые годы его правления, по данным В. В. Календаровой, идея преемственности упоминалась на страницах издаваемого МВД «Санктпетербургского журнала»,²⁵ а позднее была одной из постоянных тем публикуемых комиссией составления законов многотомных изданий «Основания русского права» и «Труды комиссии составления законов». В последнем из указанных изданий было опубликовано, например, «Соображение Комиссии составления законов»

от 6 июня 1812 г., в котором подчеркивалось, что «всякие законы тогда наиболее могут приличествовать государству, когда они освящены уже временем», и «...не одни люди, но и время постановляет и определяет начала законодательства».²⁶

Логически взаимосвязанным с идеей преемственности новых законов было утверждение о «естественном» соответствии норм права конкретно-историческим условиям каждой страны. О существовании такой взаимосвязи неоднократно упоминалось в различных сочинениях по истории русского права, а в качестве аргумента приводились примеры различия законов в русских землях периода раздробленности. В соответствии с новой политической реальностью, писал Г. Успенский об этом периоде русской истории, «...каждый из владетелей своего удела, сообразуясь с обстоятельствами и потребностями своих подданных, к общим законам присовокуплял, по-видимому, собственные, которые не могли быть согласны с законами других уделов».²⁷ По мере централизации страны различия становились малозначительными, и законы вновь стали общими для всех русских земель. С этого времени существенные отличия были заметны при сопоставлении законов различных стран.

Таким образом, в начале XIX в. усвоенный из трудов европейских просветителей второй половины XVIII в. тезис о наличии универсальных оснований для составления законов во всех странах мира органично сочетался с идеей необходимости учитывать национальные особенности каждой страны. Наиболее яркой иллюстрацией такой трактовки тезиса о соответствии содержания закона конкретно-историческим и культурным особенностям была опубликованная в 1807 г. на страницах «Санктпетербургского журнала» статья неизвестного автора, в которой высказывалось следующее суждение: «Заметить должно, что законы, писанные для всех народов, не могут быть полезны ни для одного. Они суть отвлеченные умозрения, а законы должны быть изображением нужд народных; нужды же народные относительно всегда к обстоятельствам».²⁸

²² Успенский Г. П. Разсуждение о древности и достоинстве законов Российских до издания царем Алексеем Михайловичем Соборного уложения и сходстве сего последняго с некоторыми преждебывшими у нас узаконениями. Харьков, 1814. С. 16.

²³ [Елагин И. П.] Опыт повествования о России. Сочинение Ивана Елагина, начатая на 65 году от его рождения, лета от рождения Христова 1790, двора Его Императорского Величества обер-гофмейстера. М., 1803. С. 67.

²⁴ См., например: Львов П. Указ. соч. С. 7–11; Нечто о началах правлений // Санктпетербургский журнал. 1804. № 4, апрель. С. 118, 121, 127, 128.

²⁵ См.: Календарова В. В. Либеральные идеи в России в начале XIX в.: попытки правительственной пропаганды (опыт количественного анализа содержания первых министерских журналов) // Источник. Историк. История. СПб., 2001. Вып. 1. С. 65–66, 71.

²⁶ Соображение Комиссии составления законов // Тр. комиссии составления законов. Т. 1. СПб., 1822. С. 138.

²⁷ Успенский Г. П. Указ. соч. С. 15.

²⁸ О том, что образование людей к гражданскому состоянию есть удаление их от состояния природы // Санктпетербургский журнал. 1807. № 5, май. С. 82.

Важным показателем соответствия закона «обстоятельствам» чаще всего считалась согласованность его положений с «нравами народа». Такая трактовка подразумевала, что в основании национального законодательства должны были быть положены традиционные, привычные для населения обычаи и религиозные нормы, т. е. то, что обозначалось словосочетанием «народный дух». Справедливость установления взаимосвязи между содержанием закона и «нравами и духом народа» в текстах российских авторов неоднократно подтверждалась цитированием фразы Екатерины II из Наказа уложенной комиссии: «Законы должны быть приспособлены к характеру той нации, для которой они писаны».²⁹ При этом, как правило, подчеркивалось, что «естественной» причиной необходимости подобного «приспособления» как у древних, так и у современных государств являлись природно-географические условия и исторически сложившиеся особенности их политического устройства. Например, Р. Ф. Тимковский, выступая в Московском университете с речью «О различении греческого и римского просвещения», напоминал слушателям о том, что «...то государство... есть совершеннейшее и блаженнейшее, которое управляется законами, наиболее сходными с его духом, нравами, занятиями и образованностью».³⁰

Аналогичные суждения высказывались и применительно к историческому опыту России. В «Примечаниях о древних русских законах» П. Ю. Львов, рассматривая вопрос о степени развитости отечественного законодательства в сравнении с европейским, главным его достоинством называл то, что «законы русские... будучи основаны на силе разума и на благодущии славянорусского, постоянного народа... не изменялись в продолжении нескольких сот лет, ибо изданы были согласно нравам, обычаям, вере и местному людей пребыванию»³¹. Внесение изменений в законы происходило «...по необходимой надобности, с переменою обстоятельств целого

Государства согласно».³² Именно такой алгоритм создания и обновления законодательства представлялся читателям как наиболее приемлемый в современных условиях и соответствующий общему смыслу публичных заявлений Александра I о том, что «закон без нравов не может иметь другого действия, кроме принужденного насильственного, а потому всегда слабого».³³

В различных учебных, справочных и практических пособиях по российскому праву читатель мог найти информацию о том, в какой форме провозглашенный еще при Екатерине II принцип соответствия «народному духу» должен быть зафиксирован в законе. Как правило, в указанных текстах, наряду с общими рассуждениями о том, что законодателю надлежит сообразно с особенным положением каждого народа предписать правила для деяний членов общества...»,³⁴ говорилось о целесообразности установления зависимости между тяжестью наказания за конкретное преступление и общими «нравами народа». Например, И. Нейман писал об этом так: «Законодатель при назначении причин уменьшения степени наказания... обязан принимать в особенное уважение нравы народа, для которого пишет свои законы, и настоящее положение государства».³⁵ Это позволило бы, с одной стороны, уменьшить чрезмерную жестокость, а с другой — установить такое наказание, страх пред которым останавливал бы тех, кто намеревался совершить преступление.

В общем виде, на мой взгляд, признание необходимости установления соответствия норм закона «духу народа» не противопоставлялось универсальным для всех народов принципам «равенства перед законом», «общезвестности», «ясности слога», доказательности и «соразмерности наказания». Однако своеобразие Российской империи, объединившей множество различных по своей культуре народов, обусловило необходимость, наряду с «общими государственными» законами, устанавливать местные, или, по выражению того времени, «частные законы».

Целесообразность их установления и соотношение с «общими законами» представлены в опубликованном докладе министерства юс-

²⁹ Систематическое собрание российских законов с присокуплением правил и примеров из лучших законодателей, расположенное трудами Сергея Хапылева. Ч. 1. СПб., 1817. С. 15.

³⁰ О различении греческого и римского просвещения, протекающем из особенного духа, нрава и образа жизни оных народов. Слово в публичном собрании императорского Московского университета июля 15 дня 1811 года, произнесенное Романом Тимковским. М., 1811. С. 4.

³¹ Львов П. Указ. соч. С. 15, 16.

³² Там же.

³³ См.: Архив Государственного Совета. Т. 3: Царствование Александра I (1801–1810). СПб., 1878. С. XXIV.

³⁴ Нейман И. Указ. соч. С. 12.

³⁵ Там же. С. 47, 48.

тиции, который был подготовлен на основании «Всепопданнейшего доклада» П. В. Лопухина и Н. Н. Новосильцева.³⁶ В тексте доклада подчеркивалось, что «...начала права суть общие для Империи: по сему и законы, утвержденные на сих основаниях права, должны быть общими всем частям оной, дабы... подданные единого Государя под благотворным влиянием оных в равной мере наслаждались тою гражданскою свободою и безопасностью, которую они дают, хранят и распространяют».³⁷ Однако признание данного принципа «справедливым и полезным» сопровождалось утверждением, что его «...нельзя принять за общее и никакому изменению неподверженное правило при составлении законов для пространной Империи Российской: ибо различные степени гражданственности некоторых Губерний и другие местные обстоятельства необходимо требуют, для благосостояния их... частных законов и форм судебных».³⁸ Учреждению «частных законов» должен был предшествовать длительный этап подготовки, в ходе которого необходимо было «...собрать и исчислить главные местные обстоятельства сих губерний, и приняв в уважение климат, религию их жителей, обычаи и политические перемены, с ними бывшая, найти разности, какие произошли от того в законах и формах судебных».³⁹ Такая задача полностью соответствовала определению «частных законов», приведенному как в докладе 1804 г., так и в изданной много лет позднее статье А. П. Куницына, в которой говорилось: «Частные законы и учреждения суть не что иное, как отступление от законов общих, по уважению различия веры, языка, нравов и других местных обстоятельств».⁴⁰

Тезис о необходимости «уважения» всех перечисленных в определении культурных особенностей отдельных губерний не предполагал дробной и существенной дифференци-

ции правового пространства Российской империи. «Частные законы» должны были лишь дополнить «общие государственные», но ни в коем случае не противоречить им. В идеале это должно было привести к положению, при котором «...Губернии или города, физически или моральными отношениями различные, получают основанные на общих началах права и соответствующие местному положению законы»,⁴¹ что позволит провести необходимое обновление правовых норм и укрепить «силу закона» на всей территории страны.

* * *

Проведенный анализ позволил выявить зафиксированные в законодательных актах, материалах периодической печати, научно-популярных и учебных текстах первой четверти XIX в. представления образованной части российского общества о перспективах модернизации законодательства. Содержательно ожидания преобразований основывались, с одной стороны, на привычной трактовке закона как инструмента воспитания и управления, с помощью которого правительство должно обеспечить «общую» и личную безопасность подданных. В данном контексте понятие «закон» было логически взаимосвязано с понятием «государство», так как именно государство должно было стать инициатором любых изменений в действовавшем законодательстве и осуществлять жесткий контроль за неукоснительным исполнением всех юридических норм. При этом в качестве ориентиров для «мудрого правителя», намеревавшегося усовершенствовать российское законодательство, должен был служить одновременно и собственный исторический опыт, и теоретические основы европейского права. Позитивным следствием подобной двойственности ориентиров было бы сохранение необходимого соответствия «духу и нравам народа», без которого ни один закон не исполнялся бы гражданами добровольно.

С другой стороны, благодаря знакомству с работами либеральных европейских мыслителей, конечным итогом реформирования российского законодательства представлялась реализация на практике таких универсальных, направленных на обеспечение безопасности отдельной личности принципов, как

³⁶ См.: Всепопданнейший доклад Его Императорскому Величеству... С. 53–94. В феврале 1804 г. на основании этого доклада и был издан указ «О преобразовании комиссии составления законов». См.: ПСЗ. Т. 28: 1804. № 21.187. С. 160–173.

³⁷ Доклад министерства юстиции о преобразовании комиссии составления законов, Высочайше утвержденный Его Императорским Величеством, и выписка из поднесенных Его Императорскому Величеству присутствием Комиссии Рапортов об успехе трудов ея, по Высочайшему повелению переведенные на разные языки. Ч. 1. СПб., 1804. С. 22.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 23.

⁴⁰ Куницын А. П. Прибавление первое к замечаниям на основании Российского права // Сын Отечества. 1819. Ч. 55, № 33. С. 291; Всепопданнейший доклад Его Императорскому Величеству... С. 80, 81.

⁴¹ Доклад министерства юстиции о преобразовании комиссии составления законов... С. 23.

системность, публичность и ясность «слога», равенство граждан перед законом, презумпция невиновности, соразмерность наказания и преступления. Всестороннее освещение в текстах европейских и российских авторов содержания данных принципов постепенно привело к формированию логической и ассоциативной взаимосвязи понятий «закон» — «гражданин» — «гражданские права», которая, на мой взгляд, стала новым, заимствованным элементом смыслового поля понятия «закон».

С этого времени одним из важнейших критериев полезности установленного верховной властью закона провозглашалась его направленность на обеспечение безопасности граждан. Однако одновременно, в полном согласии с указанным выше тезисом о необходимости соответствия содержания закона «народному духу», подчеркивалось, что объем и характер гражданских прав может быть различен не только в разных странах, но и в масштабах одной страны.

Ключевые слова: европейские идеи в России; закон; история общественно-политической мысли в России первой четверти XIX века; проблемы реформ в России

THE STRATEGY AND TACTICS OF THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM IMPROVEMENT IN THE FIRST QUARTER OF THE 19TH CENTURY

Based of comparative analysis of the text of the legal acts, periodicals, reports to the Tsar from the “most faithful” officials, popular science journals and textbooks the author made a conclusion about the ambiguity of the educated members’ of the Russian society understanding of the principles and methods of improving the Russian legal system in the first quarter of the 19th century.

Dmitry V. Timofeev